

ВРАТА В ЭЙРИДАН

Последняя Хранительница

К. ЭЙР-ВЕНТ

К. Эйр-Вент

**Врата в Эйридан.
Последняя Хранительница**

«Автор»

2026

Эйр-Вент К.

Врата в Эйридан. Последняя Хранительница / К. Эйр-Вент —
«Автор», 2026

Врата в Эйридан. Последняя Хранительница — это тёмное фэнтези о мире, где магия, древние врата и забытые клятвы переплетаются с опасностью и предательством. Мирэ долго жила, не подозревая, что её судьба связана с силой, способной изменить всё вокруг. Но когда прошлое начинает раскрывать свои тайны, а враги идут по её следу, ей предстоит узнать, кто она на самом деле и какую цену придётся заплатить за правду. Когда над Эйриданом сгущается тьма, а старые силы приходят в движение, только Последняя Хранительница может вернуть утраченное равновесие. Но успеет ли она раскрыть свою силу, пока врата прошлого не захлопнулись навсегда?

© Эйр-Вент К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. От утра до бездны	6
Глава 2. Видения в пустоте	12
Глава 3. Тени прошлого	14
Глава 4. Ловушка заботы	16
Глава 5. Полночь правды	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

К. Эйр-Вент

Врата в Эйридан.

Последняя Хранительница

Пролог

Городская ночь пульсировала привычным ритмом: далёкий гул трамваев по мокрым рельсам, вспышки неоновых вывесок баров и круглосуточных ларьков, запах свежего дождя, смешанный с выхлопами машин. Люди спешили домой под зонтами, обнимались на остановках, смеялись в тёплых кафе. Но для Мирэ этот мир казался далёким, чужим.

Она стояла на краю крыши своего старого девятиэтажного дома, цепляясь за ржавые перила. Пронизывающий ветер нёс с собой холод и солоноватый привкус речной воды, вздымая волосы и вызывая мурашки по обнажённым рукам. Внизу — паутина улиц, усыпанных жёлтыми огнями фонарей, пропасть в двадцать семь метров. Сердце стучало ровно, но в груди нарастала тревога, как тень перед бурей.

Она не была одна. Голос раздался из темноты — ровный, спокойный, как эхо в пустом зале. И вот он предстал перед ней: фигура в тёмном плаще, лицо скрыто капюшоном, но глаза — два спокойных озера в полумраке.

Мирэ выпрямилась, голос её звучал серьёзно, с едва заметной дрожью тревоги:

— Кто ты? Зачем следишь за мной?

Он не шелохнулся, отвечая ровно, без эмоций, словно читал заготовленный текст:

— Слишком много вопросов, но скоро ты всё узнаешь. А теперь мне пора.

— Стой! — её тон стал твёрже, но впившиеся ногти в ладони выдавали её тревогу. — Почему ты бросаешь меня именно сейчас, когда я на краю этой чёртовой крыши?

— Я не бросаю, — он произнёс это так спокойно и ровно, как поверхность замерзшего озера. — Поверь, я всегда рядом, даже если ты меня не видишь. Но не задавай мне больше вопросов. Я всё расскажу, но позже.

— Но я же сейчас прыгну! — серьёзность в её словах граничила с отчаянием.

— Нет... Ты не сможешь.

Он растворился в ночи, как тень в лунном свете.

Мирэ замерла на краю, ветер хлестал по лицу. Жизнь рухнула — предательство, потери, пустота внутри. Решение твёрдое, как сталь: шаг в бездну.

Пути назад нет.

Глава 1. От утра до бездны

Летнее утро ворвалось в квартиру Мирэ Блеквуд через приоткрытое окно: щебет птиц на старом каштане, далёкий гул общественного транспорта и густой аромат свежесваренного кофе, смешанный с пылью цветущих лип. Солнечные лучи пробивались сквозь белые шторы, рисуя золотые полосы на потёртом паркете. Сессия подходила к концу и впереди маячил долгожданный отдых: две недели с подругой Сарой на море, а потом подработка барменшей в ночном клубе "Flay" – лёгкие деньги на осень.

Мирэ потянулась в кровати так, что хрустнули суставы. Девятнадцатилетняя девушка с длинными волнистыми тёмно-русыми волосами с серебристым отливом, стройная, как тростинка, с бледной кожей и лёгким румянцем, небесно-синие глаза с серебряными искрами и слегка вздёрнутым носиком — она всегда выглядела младше своих лет, а губы то и дело растягивались в ироничную улыбку. Характер у неё был крепкий, как спелая черешня: упорная, с острым языком и тёплым сердцем, но под этой оболочкой пряталась трещина — автокатастрофа в 14 лет унесла родителей, оставив её на попечение деда. С тех пор она научилась держать всё под контролем, но иногда по ночам воспоминания давали о себе знать.

Из кухни донёсся утончённый голос деда Брэма Блеквуда. Высокий аристократ с идеальной осанкой, серебристыми висками и пенсне на лацкане, бывший посол, он держал серебряную ложку с точностью дипломата:

— Мисс Мирэ, благоволите подняться. Блины ожидают, а экзамены не сдаются сами.

— Уже иду! А Сара не звонила?

— Нет.

Мирэ нахмурилась, надевая черные брюки палаццо с длинными разрезами спереди, черный топ, а сверху не застёгнутую белую укороченную рубашку и туфли лодочки на низком каблуке — деловой стиль с ноткой бунтарства, что не всегда нравилось дедушке. Дед всегда так — манеры дона, но сердце мягче бархата. После потери мамы и папы он стал её якорем: сервировал чай в фарфоре, полировал старинный сервант и делился воспоминаниями о дипломатических приёмах. Жили скромно в старой трехкомнатной квартире с видом на реку, где по утрам Брэм кормил голубей с тростью из эбенового дерева.

Она прошла цокая каблуками в тесную кухню, где на вышитой скатерти дымилась стопка блинов с мёдом. Дед, в атласном халате с вензелями, разлил кофе по фарфоровым чашкам.

— Сегодня экзамен? — он прищурился через пенсне, отрезая ей самый большой блин серебряной вилкой. — Помните: жизнь — шахматная партия, оппонент всегда блефует.

— Дед, я готова, — Мирэ усмехнулась, жуя. — Сара уже второй день не звонит и не отвечает на звонки. — В её голосе промелькнули нотки грусти и разочарования. — Мы планировали пойти в «Flay» сегодня вечером, отметить успешную сдачу сессии.

— Не вешайте нос, моя принцесса! Вот увидишь она позвонит тебе вечером, как обычно и расскажет о том как попала в новую неприятность.

Разговор лился легко, как вино: планы на море, шутки про Сарину новую стрижку, напоминание о стипендии. Сара Кейн — шатенка с голубыми глазами, подруга с детского сада, душа компании с татуировкой бабочки на плече, всегда с идеями "прыгнем с парашютом!". Они делились всем: секреты, парни, ночные разговоры о жизни.

Допив кофе, Мирэ чмокнула деда в щеку и направилась в ванную. У зеркала над раковиной она замерла. Отражение смотрело серьёзно: небесно-синие глаза, припухшие от зубрёжки, волосы в беспорядке. "Всё под контролем, — прошептала она, расчёсывая. — Сессия, Сара, море. Жизнь — не автокатастрофа".

Но мелькнул озноб — эхо дождливого дня пять лет назад, на похоронах. У могилы, среди рыданий, он вновь зазвучал: ровный голос в голове, как шёпот ветра. "Ты не одна". Тряхнула головой. Галлюцинация. Сегодня — блины, сессия, лето.

Мирэ схватила сумочку и вышла в жару, не зная, что утро было единственным светлым моментом этого дня. Вечер обернулся ударом. Дождь хлестал по улицам, смывая краски дня.

— Алло... Сара, не молчи!

— Да, алло.

— Где тебя носит? Почему не отвечаешь?

— Прости, сегодня не могу пойти с тобой. Мне очень жаль...

В телефоне зазвучал другой, нежный голос: «Зайка, ты идёшь? Да-да, сейчас выхожу.» «Предательница», — прошептала Мирэ, прежде чем прозвучали гудки.

Дождь лил словно из ведра, превращая город в размытое полотно серых красок. Улица была пустой, за исключением редких прохожих, спешивших укрыться от непогоды. Холод и сырость проникали под кожу, а лужи отражали мерцающие синие и розовые огни неоновых вывесок. Уличные фонари бросали тусклый желтоватый свет, и каждая капля дождя казалась ударом молоточка по её душе. Прохожие прятали головы под капюшоны, а она чувствовала себя совершенно одинокой — в мире, который гонится за светом и весельем, её оттолкнули и оставили за бортом.. Как часто так бывает — когда надежды тают, сердце наполняется холодом, который проникает до костей. Она стояла одна, холод пронизывал насквозь, точно нож, и в голове мелькали тёмные мысли: «Вот она, правда. Сара предала меня. Обещала быть рядом, но ушла с ним. Как можно так легко менять? Опять бросила. Наверное, мне пора перестать цепляться за дружбу, которая давно стала иллюзией».

Она шла по залитой дождём улице, промокая, но с каждым шагом внутри неё росло раздражение и горькое чувство одиночества, словно плетя невидимую паутину из обид и недоверия. По дороге она вспоминала сцены из детства — смех Сары, их разговоры, обещания, казавшиеся такими важными и настоящими. Почему всё рухнуло так быстро?

Когда она подошла к клубу «Flay», его неоновая вывеска словно манила и пугала одновременно. Просторный двухэтажный лофт с высокими потолками, обнажёнными кирпичными стенами и граффити в азиатском стиле создавал атмосферу свободы и диких ночных приключений. Металлические элементы и неоновая подсветка переливались яркими красками, отражаясь в стеклянных поверхностях и призывая забыть о печалях. Внутри клуб был наполнен гудением электронных битов, воздух пропитан дымом кальянов и запахом коктейлей.

Добравшись до клуба «Flay», она почувствовала, как в груди снова засосало пустотой. Радоваться было сложно, но она пыталась замаскировать боль за сарказмом. У входа её встретил знакомый — Ким. Его улыбка была теплой, а шутовское приветствие хоть и поднимало настроение, но всё равно не могло заглушить внутреннего пустого эха.

— Привет, Ким! — сказала она, стараясь звучать бодро.

— Привет, малявка! — поддразнил он её, и она непроизвольно улыбнулась.

— Я не малявка! — сказав это она сделала обиженное лицо.

— Эй, малышка, шучу же. Иди, веселись. Закажи пару соков за мой счёт.

— Ого, какой вы великодушный, сэр! — сарказм во всей красе.

— Ах ты ж! Притворяешься! Ладно, на этот раз ты в выигрыше. Иди и веселись.

— Только я вся промокла...

— Лизи! Дай ей что-нибудь из одежды!

Промокшая насквозь, она думала, что весь вечер будет испорчен... Но Лизи, стрипти-зёрша клуба, протянула ей своё платье — короткое, вызывающее, оно легло на её плечи как чуждая шкура, добавляя ощущение инкогнито в этом ярком хаосе.

Лизи — высокая и грациозная женщина с навыками уверенного и притягательного поведения, которые она оттачивает в клубе «Flay». Ее фигура стройна и обтекаема, движения точны и соблазнительны, словно у опытной танцовщицы. Волосы Лизи — длинные, темные, обычно распущены, подчеркивая вызывающий контраст с ее светлой кожей и ярким макияжем, который лишь усиливает её выразительные глаза. Взгляд у неё глубокий, с нотками тайны и непредсказуемости, что вызывает как восхищение, так и лёгкое опасение.

Она не просто танцует — в каждом её движении прослеживается сила и независимость, одновременно отстранённость и приглашение к близости. Лизи легко общается с посетителями, умело управляя ситуацией и поддерживая нужный уровень напряжённости в атмосфере клуба. Она не только исполнительница, но и своеобразная «хранительница» пространства клуба, что отражается в её уверенной позе и спокойном, но властном тоне.

Ее гардероб — смелый и эффектный, подчёркивающий безукоризненную фигуру, с элементами, играющими на грани дозволенного, благодаря чему она всегда в центре внимания и остаётся незабываемой частью клубной ночи. Несмотря на яркий внешний образ, в Лизи угадывается опытная женщина, для которой этот шумный и пестрый мир — и работа, и своего рода убежище.

Черные леггинсы, одолженные у ее коллеги, давали Мирэ хоть какую-то защиту от взгляда и холода.

Она прошла в зал, где пространство дышало музыкой и движением. Танцпол — клубное сердце — был огромен, блестел от света, заполненный прыгающими и кружившими телами. Барная стойка из темного дерева с подсветкой служила островком среди шума, где заказывали коктейли, а за ней бармены движениями мастеров сливались со световыми потоками. В воздухе висело напряжение — смесь ожидания, азарта и одиночества.

Встреча с Кимом, платье Лизи, черные леггинсы — все это словно маскировка, прикрывающая раны, превратившиеся в зияющие черные дыры внутри Мирэ. Подсушив волосы, Она пошла в зал. Заказав сок, вскоре оказалась в центре площадки, где начала танцевать под любимую песню. Она пробиралась сквозь толпу, танцевала, пытаясь унять нарастающую внутри бурю отчаяния. Завороженная ритмом, она забралась на стол, чувствуя, как музыка течёт по венам. Танец на столе — попытка вернуться к себе, хотя бы на мгновение. Мелодия напомнила о той её стороне, которую она редко показывает — свободная, сильная, несломленная. Но взгляд высокого брюнета пробил эту маску. Его неподдельный интерес и нахальство раздражали и зажигали одновременно.

Когда он произнёс «Браво», злость вспыхнула в ответ, но под ней пряталась какая-то уязвимость, которую она не хотела признавать даже себе. Спрыгнув со стола, оглушённая музыкой и светом, она направилась к нему, к тому парню из толпы. Перед ней пульсировали разноцветные огни, будто живые, и каждый её шаг отдавался эхом в пустоте внутри. Казалось, свет пытается прожечь её насквозь, раскрыть все тайны, всю боль за маской дерзкой улыбки. Её мысли ворвались вихрем — Сара, её предательство, разбитые обещания. Злость и обида превышали все границы, но под ними пряталось что-то хрупкое, болезненное, что она сама боялась признать. Она пыталась оттолкнуть все это, но каждое движение, каждое лицо вокруг словно добавляли вес этому грузу. Толпа вокруг — тени, мерцание, голоса, смешанные с дымом и запахом алкоголя. В этом хаосе она шаг за шагом приближалась к нему, чувствуя, как сердце разрывается между желаниями и страхом. Его взгляд — пронзительный, зелёный, меняющий оттенки — не отпускал её, вызывая внутреннюю дрожь и одновременно странное притяжение.

Стоя напротив, она ощутила, как время замедляется, а мир вокруг смещается. Это ощущение, словно она стоит на краю бездны — с одной стороны — свобода, с другой — обвал, и она не знает, что выберет. Но голос в голове сказал: «Действуй!».

— Спасибо, но пальцем показывать — невежливо, — её глаза сверкали вызовом.

— Отпусти палец, будь добра, — он ухмыльнулся, пытаясь казаться невозмутимым.

— Где извинения? — она прищурилась, слегка наклонив голову, будто призывая к ответу. И он сделал невинный вид:

— За что?

Но она не растерялась и дерзко поставила ногу между его ног:

— За то, что ты показывал на меня пальцем.

— Ладно-ладно, прости. Довольна? — он медлил, но в голосе слышалась усмешка. —

А теперь убери ножку.

— Ты звучишь неубедительно, — ответила она, укрыв лицо локонами и чуть улыбаясь.

Вдруг он схватил её руку и притянул к себе:

— Прости. Теперь ты должна мне танец.

— Не за что! — выкрикнула она, сердце резко застучало от неожиданности, и её щёки покрылась легким румянцем.

— Нет, детка, ты танцуешь со мной, — прошептал он близко, и она ощутила тепло его дыхания на коже.

— За что? — она сквозь смех закатила глаза, пытаясь сохранить спокойствие.

— За то, что наступила на мои... яички, — он подмигнул, и она не смогла сдержать смех.

Он увлёк её на танцпол, где медленная песня окутала их будто бархатным туманом. Его руки нежно легли на её талию, а её — на его плечи, и их взгляды встретились — ясные, оба чуть смущённые, но полные любопытства.

— Как тебя зовут? — спросили они почти одновременно.

— Мирэ. А тебя? — голос дрожал от неожиданной близости.

— Алам.

— Алам? — переспросила она приподнимая бровь.

— Да. Что здесь удивительного? — он улыбнулся уголком губ.

— Ничего.

Во время танца она словно растворялась в музыке и теле партнёра. Вся боль, обида и горечь, что давно застряли внутри, уходили на второй план, уступая место странному чувству освобождения. Она чувствовала, как ритмы вибрируют в груди, заставляя каждую клеточку трепетать. Его руки на её талии были одновременно опорой и вызовом — они напоминали, что она не одна, но при этом держали во власти этой ночи. В голове мелькали мысли: "Можно ли отпустить страх? Почему в этом танце я вдруг такая настоящая, без масок и доспехов? Этот миг — как глоток воздуха после долгого заточения." С каждым лёгким прикосновением её разум плавно отпускал тревоги, позволяя чувствам идти наперерез логике. Она ловила его взгляд — неизменный и глубокий, как загадка, которую хочется разгадать. В этом взгляде было что-то большее, чем просто интерес — что-то, что отзывалось эхом в сердце, вызывало смешанные ощущения тревоги и надежды. Вместе с музыкой она двигалась плавно и уверенно, отдаваясь эмоциям; чувствовала, как тело поёт, и думала, что, может быть, здесь и сейчас возможна настоящая свобода — свобода быть собой в самый сокровенный момент. Весь мир сузился до их танца, до его прикосновений и её дыхания, крошечного островка света посреди ночи, где она могла забыть обо всех страхах. Этот танец стал не просто движением — он стал историей, которую она проживала заново, открывая для себя части себя, которые прятала даже от самой себя.

Песня медленно стихала, и с каждым её последним аккордом в ней просыпалась тревога. Танец, казавшийся таким естественным и свободным, вдруг превращался в тяжёлое бремя.

Воздух вокруг стал резким, звуки — глухими, а свет — неудержимо ослепляющим. В голове рванулись мысли — усталость, разбитые надежды и страх остаться одной среди чужих лиц. Она отступила, чувствуя, как сердце колотится в груди с безумной силой. Её ноги словно сами понесли прочь от клуба, от этой бешеной энергии, что одновременно манила и пугала. Паника вспыхивала в каждом вздохе, и она хаотично оглядывалась, пытаясь найти путь наружу. Все смеялись, танцевали, но для неё этот мир перестал существовать — тут были только она и её желание сбежать. Сзади раздался его голос, тихий, но настойчивый:

— Мирэ, подожди!

Она ускорила шаг, а сердце решительно велело не оглядываться. Но он шагал рядом, не отставая, его присутствие одновременно вызывало раздражение и сомнительное чувство безопасности. Страх переплетался с любопытством и странной надеждой. Мысли кружились, переполнялись тревогой — «Почему я не могу просто уйти? Что меня держит? Этот парень — угроза или спасение?». Внутри всё дрожало, но тело не слушалось полностью. Этот момент — граница между прошлым и неизвестным будущим, между одиночеством и возможностью довериться. Так она мчалась к выходу, в голове шуршали желанные и неожиданные мысли, а он — рядом, тенью, которая не отступает. И ночь, казавшаяся сначала веселой и яркой, вдруг обернулась в зыбкую игру с тенями, где грани реальности сгущались и тонули в тишине предчувствий...

— Куда идёшь, детка? — нарушил тишину он.

— Я — Мирэ! — ответила она с твердостью и легкой злостью.

— Но куда?

— Жопой резать провода, — фыркнула она, улыбаясь собственной дерзости.

— Что? Серьёзно? — нахмурившись, спросил он.

— Нет, — легко бросила она, глядя оценивающе.

— Что значит «нет»? — он смотрел недоуменно.

— Ты дурак или прикидываешься? — он снова начинал её раздражать.

— Умнее тебя уж точно. — фыркнул он.

— Уверен? — спросила она с вызовом.

— Сто процентов! — он ответил ей тем же вызовом.

— Тогда угадай, куда я иду. — хитро улыбнувшись, сказала она.

— Домой?

— Бинго, сэр. Вы так умны. — опять сарказм, опять защитная реакция.

— Мирэ, может, останешься?

— Нет. — твердо и решительно отрезала она.

— Можно проводить?

— Умные люди не спрашивают, — она бросила взгляд, полный иронии и лёгкой игривости.

Они шли молча, и она ощущала, как он украдкой ловит её образ своим взглядом.

— Ты сейчас во мне дырку просверлишь, — шутливо сказала она.

— Что? — отреагировал он, приподняв голову.

— Хватит на меня пялиться.

— Это запрещено? Я думал, у нас свободная страна, — она усмехнулась, не убирая взгляда.

— Прекращай, думать — не твоё, — он усмехнулся в ответ, и она поняла — эта ночь обещает быть непредсказуемой.

В каждом слове, взгляде она чувствовала нарастающую игривую напряжённость, теплоту прикосновений и непредсказуемость момента. Ведь даже в самой дерзкой игре есть место для уязвимости и смеха, для первого настоящего дыхания свободы.

Путь домой стал чередой тягучих шагов по мокрому асфальту, отражающему холодный свет фонарей и мерцающие тени. Дождь уже стих, оставив после себя влажный запах и тишину, в которой она слышала только свой шаг и дыхание. Его молчаливое присутствие и постоянный взгляд будто велели не убегать, но с каждой минутой внутри неё росло тревожное ощущение, что эта ночь может закончиться чем-то необратимым. Вдруг яркий свет ослепил её на переходе: цвет, что ворвался в глаза, как взрыв воспоминаний и страхов. Алам резко схватил её, потянул к себе — и она упала, ощутив голос, полный тревоги и надежды:

— Мирэ! Очнись!

Но тьма накрывала её все плотнее, и звук его голоса становился все более далеким и искажённым, как будто они принадлежали разным мирам. Ей казалось, что что-то потаённое и страшное надвигается из глубин... и она уже не могла бороться с этим холодным вихрем, который засасывал её внутрь.

Неспособность вырваться, нарастающая темнота и чувство полного исчезновения – вот что стало концом этой ночи. Тревожное молчание наполняло воздух, словно предвестник беды, заставляя сердце биться все быстрее в ожидании неизвестного кошмара...

Глава 2. Видения в пустоте

Тьма обволакивала Мирэ, густая и вязкая как нефть. Она не чувствовала тела – ни сердцебиения, ни дыхания. Только бесконечный гул, похожий на эхо далёкого прибора. Где-то на границе сознания вспыхивали образы, яркие и болезненные, словно осколки разбитого зеркала. Она не могла пошевелиться, не могла закричать. Лишь наблюдать.

Кухня. Ночь. Ей четырнадцать. Брэм Блеквуд сидит в своём атласном халате, пенсне поплёскивает в свете лампы. Его голос ровный, но глаза – два колодца скорби.

— Мирэ, милая, садись. Дипломат должен говорить правду, даже самую горькую.

Она впирается пальцами в подлокотники кресла. В её голове проносятся сотни страшных мыслей.

— Дедушка — она осторожно зовёт его, но резко в голове всплывает мысль: «Родители. Они уже должны были вернуться из поездки» — Где мама и папа? Что случилось?

Он вздыхает, снимая пенсне.

— Их машина на горной дороге. Водитель уснул. Сорвались в пропасть. Тысяча метров. Мгновенно. Никаких мук.

Слова падают как камни в воду. Круги расходятся в её душе – шок, отрицание, пустота. Брэм обнимает её, но она уже не здесь. В голове – ровный голос, первый раз: «Я здесь. Ты не одна.»

Темнота. Вспышка. Дождь хлещет по чёрным зонтам. Могила – открытая рана в земле. Мирэ стоит, дрожа от горя и слёз, платье липнет к телу. Брэм рядом, трость утопает в грязи. Люди шепчутся «Бедная девочка». Она не слышит. Только голос в голове, спокойный, как озеро:

«Ты не одна. Держись. Это не конец.»

Она падает на колени в грязь, кричит в пустоту. Голос повторяет: «Я всегда рядом». Впервые она не списывает на шок. Это реальность. Кто-то – или что-то – внутри неё.

Вновь темнота и вспышка. Ей шестнадцать. Кафе у школы. Сара Кейн напротив. Раньше они были неразлучны. Теперь Сара опаздывает, смотрит в телефон, хихикает над сообщениями.

— Опять он? — Мирэ хмурится.

— Дамиан? Да просто друг, — Сара машет рукой. — Расслабься!

Голос в голове шепчет: «Она не та, за кого себя выдаёт. Осторожно».

Мирэ игнорирует. «Просто паранойя». Но Сара меняется. Секреты. Ложь по мелочам. «Забыла про наш уговор». «Прости, дела». Голос повторяет: «Она предаст». Три года предупреждений. Мирэ отмахивалась. До сегодняшней ночи.

Темнота. Вспышка. Два дня назад. Сара в тёмном переулке, шепчется с мужчиной в дорогом пальто. Его лицо в тени, но глаза – стальные, безжалостные. «Девчонка мешает. Убери её. Затерянная страна не должна открыться». Сара кивает, голубые глаза холодны. Деньги переходят из рук в руки. Поцелуй – не дружеский.

Тогда Мирэ думала, что ошиблась. Это кто-то другой. Это не могла быть Сара

Темнота. Мирэ кричит «Предательница!» Голос в голове подтверждает: «Я предупреждал. Теперь слушай».

Видения гасли. Тьма расступалась. Пищание аппаратов, запах антисептика. Голос врача: «Она приходит в себя!» Мирэ открыла глаза. Белый потолок больницы. Рядом – Алам, бледный, сжимает её руку. Брэм в углу, пенсне запотело.

— Мирэ — Алам выдыхает.

Она не отвечает. В голове – он: «Теперь ты знаешь. Путь назад закрыт. Ищи затерянную страну».

Сердце стучит. Предательство Сары – не случайность. Кто-то хочет её смерти. И голос не галлюцинация. Ангел? Демон? Хранитель?

Глава 3. Тени прошлого

Палата встретила Мирэ чистым запахом хлорки с ноткой океанического освежителя воздуха – стены в светло-бежевом тоне с декоративной штукатуркой и мягкими текстильными панелями, встроенные светильники на потолке заливают пространство дневным светом, панорамное окно открывает вид на ухоженный сад с фонтаном и скамейками под кленами. Регулируемая кровать с прикроватным пультом управления, капельница на хромированной стойке, монитор с чётким ЖК-экраном показывает пульс 72. Рядом кулер с водой, зарядка для телефона. Напротив кровати белый диван, два кресла и кофейный столик. Видения жгли память, но Мирэ мочала.

Брэм Блеквуд стоял у окна. Он смотрел в даль с тревогой о внучке. Сотни мыслей беспокойно пронеслись в его голове. Алам сидел рядом с Мирэ и сжимал её руку.

— Мирэ, ты нас напугала, — голос ровный. — На переходе ты замерла. Фары грузовика. Я дёрнул в последний момент. Еле успел.

Дверь бесшумно скользнула в пазы. Полицейский – лет тридцати пяти, подтянутый, чисто выбритый, короткая стрижка, в новой форме с начищенными погонами Капитана, кобура на магнитном замке, на лацкане – пластиковая ID-карта с чипом и фото. Он вошёл в палату с планшетом вместо блокнота.

— Мисс Блеквуд? Я Капитан Джон Ратц. Инцидент классифицирован как несчастный случай, — голос чёткий, профессиональный, без лишних эмоций. — Водитель прошёл алкотестер 0.00 промилле, тормозной путь 18 метров – норма для мокрого асфальта. Видимо вы на что-то отвлеклись. Распишитесь на экране пальцем.

Мирэ коснулась голографического поля – подпись засветилась зелёным. *Несчастный случай? Нет. Сара. Дамиан. «Убери её». Пытались задавить.* Вслух – молчание. Кивок.

— Благодарим за оперативность, Капитан, — Брэм проводил его взглядом. Полицейский кивнул и бесшумно вышел.

Алам переглянулся с Брэмом. Дверь снова открылась – врач, женщина около пятидесяти, в идеально выглаженном белом халате с сиреневыми петлицами на плечах, аккуратный пучок седеющих волос, тонкие очки в стильной оправе на серебряной цепочке, стетоскоп премиум-класса в боковом кармане. Бейджик с именем: «Др. мед. наук Эмма Майер». В руках – планшет последней модели в защитном чехле.

— Мисс Блеквуд, все показатели в норме: АД 115/75, пульс 72, ЭКГ без отклонений, оксигенация 98%, анализы крови идеальны. Посттравматический шок купирован медикаментозно. Так что мы вас выписываем, — поправила очки, свайпнув по экрану с графиками. — Но рекомендуем вам: 10 часов сна в сутки, полный покой 7 дней, исключить стрессоры и физические нагрузки. На этом всё. Хорошего вам дня.

Мирэ кивнула. Брэм расправил плечи:

— Благодарим вас, доктор Майер. Я лично всё проконтролирую.

Врач вышла из палаты, которая резко наполнилась тишиной. Алам встал и было заметно, как он немного нервничает:

— Я должен идти. Важные дела. Выздоровливай. Ещё увидимся.

Он быстро ушёл. Мирэ уловила озноб – как будто его уход оставил вакуум.

Через два часа такси премиум-класса мягко затормозило у подъезда. Брэм помог Мирэ выйти из машины. Его трость нервно стучала по асфальту. В полной тишине они поднимались в лифте с зеркальными стенами. Дома запах кофе сменился лекарствами из аптечки. В тот вечер Брэм Блеквуд сильно перенервничал из-за звонка из больницы.

— Ступай отдыхать, — сказал он подав стакан воды с лимоном внучке. — Врач права. Сон – лучшее лекарство.

— Спасибо дедушка, — Мирэ обняла его и ушла в свою комнату.

Комната. Кровать. Сон накрыл.

В гостиной Брэм разглядывал фотографию – молодая пара улыбается на фоне гор.

— Что же мне делать? — Мужчина снял свое пенсне — Я боюсь, что могу потерять её, как когда-то потерял и вас мои дети.

Квартира погрузилась в тишину. Закат близился к концу. Тьма всё сильнее окутывала комнату, лишь горящая свеча освещала тоску и печаль Брэма по сыну и невестке:

— Я помню вашу просьбу. Я должен всё рассказать, но что если... Нет, — его голос дрожал. — Я выполню вашу просьбу. Через три дня на её двадцатилетие я расскажу ей всё что знаю и передам ей ваше письмо.

Трость стукнула по паркету. Шёпот:

— Не переживайте, сэр. Я помогу ей. — незнакомец появился из тени. Брэм поднял свечу, чтобы осветить лицо незнакомца:

— Ты? — Старик замер и хотел задать ещё один вопрос, но незнакомец перебил его:

— Тише Не разбудите Мирэ. Я обещаю вам, что она будет под моей защитой, — после этих слов незнакомец отступил во тьму и также тихо исчез, как и появился.

Брэм вернул фото на полку. Взглянул на часы на стене «22:00». Он с осторожностью вышел в коридор прислушиваясь к каждому шороху. Проходя мимо комнаты внучки, он замер на пару секунд. Тишина. Она спит. «Сладких снов, милая». Мужчина с грустью выдохнул и ушёл спать.

Часы в гостиной пробили полночь. Мирэ крепко спала, но все мысли дня проникли в её подсознание показывая ей сон или всё же видение. Перед ней всплывали детали прошлого.

Вот ей шесть лет. Родители укладывают её спать. Рассказывают сказки о другом мире с существами и волшебством. Она смеётся и мечтает туда попасть, а папа говорит: «Сначала тебе нужно подрасти». Мама поёт ей колыбельную и она засыпает.

Мирэ почти четырнадцать лет. Родители вернулись из очередной поездки. В руках у папы старый тубус. Мама на кухне что-то рассказывает дедушке. Обрывки фраз: «Мы нашли ещё одну подсказку», «Вы уверены в том, что это нужно делать?», «Отец, если мы». Мужчина замечает свою дочь. Мама уводит её в комнату, а двери на кухню закрываются.

И вот ей исполняется четырнадцать, а через неделю после дня рождения родители уезжают и больше не возвращаются. Похороны. Голос в голове.

Три года назад. Сара знакомится с Дамианом. «Он просто друг». Подруга всё чаще пропадает. Начинает что-то скрывать. Тайны. Ложь. Голос: «Не верь ей!». Мирэ игнорировала.

Месяц назад. Сара приглашает в клуб. Они танцуют, веселятся, пьют коктейли. Голос: «Не пей! Езжай домой!». Мирэ слушается и у ходит. Сара пытается остановить её, но не выходит. Шёпот подруги: «Чёрт».

Неделю назад. Подруга приносит любимое пирожное Мирэ. Голос: «Не ешь!». Мирэ отказывается ссылаясь на плохое самочувствие. Сара выглядит злой и расстроенной.

Вчера. Предательство по телефону. Мирэ одна идёт в клуб. Знакомится с Аламом. Он провожает её домой. Вспышка фар, грузовик. Темнота. Видения.

Мирэ резко просыпается в лёгких не хватает воздуха. Множество вопросов: «Что искали родители?», «Что за затерянная страна?», «Почему Сара меня предала?», «Зачем им моя смерть?».

Глава 4. Ловушка заботы

Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, рисуя золотые полосы на паркете. Часы показывали 9:15. Мирэ проснулась с тяжёлой головой, вопросы из ночного ведения мучали её. Телефон завибрировал на прикроватной тумбочке – Сара.

— Мирэ, солнышко! — голос подруги лился мёдом, фальшивее обычного. — Как ты? Узнала от общих знакомых про вчерашний кошмар на переходе. Боже, грузовик! Ты цела?

Мирэ сжала телефон. *Знакомых? Или следила?*

— Жива. Спасибо.

— Я так виновата, что не пошла с тобой в «Flay»! Этот Дамиан ну, ты понимаешь. Позволь загладить вину! Давай встретимся в час дня в кафе у музея? Выпьем кофе и съедим по круассану за мой счёт. Я хочу тебя поддержать!

Голос в голове, резкий: «Не ходи! Ловушка!». Мирэ помедлила, придумывая отговорку:

— Прости, но нет. Я плохо себя чувствую, а врач велел покой.

Сара молчала несколько секунд, а после продолжила с дрожью в голосе:

— Ох, бедняжка Может тогда я приду к вам с кофе и пирожными? Твои любимые эклеры! *Пирожные.* Мирэ вспомнила свой сон и тот самый момент с пирожными:

— Нет, спасибо. Сара, прости, но я сильно устала и хочу спать.

— Ну ладно Выздоровливай скорее! Я позвоню тебе позже.

Гудки. Мирэ откинулась на подушку, сердце колотилось. Она не сдалась.

Сара ворвалась в квартиру, которая занимала весь верхний этаж элитного дома – мрачная крепость из чёрного мрамора и стекла. Стены увешаны абстрактными картинами с изображением хаотичных воронок и глаз, пол – темный гранит, отражающий тусклый свет одного единственного светильника в форме шипа. Воздух пропитан запахом дорогого виски и кожи. Центральный стол из дуба уставлен картами, компасами с рунами и странными артефактами – кристаллами, пульсирующими красным. Окна тонированные настолько, что даже солнечный свет едва видно. Сара швырнула сумочку на диван из чёрной кожи. Её лицо было искажено злостью.

— Дамиан, всё рушится! Сначала коктейль – она не пьёт! Пирожное – ей плохо! Сейчас она отказалась от кофе и сказала, что хочет спать! А грузовик? Она выжила! Это провал!

Дамиан – высокий блондин, в строгом чёрном костюме, лицо с резкими скулами, глаза стальные, как лезвия – откинулся в кресле, вертя в пальцах хрустальный бокал. Его голос был ледяным:

— Успокойся. С грузовиком нам повезло. Капитан Ратц перехватил дело – классифицировал «несчастный случай». Без протокола, без следствия. Мы чисты.

Из тени у бара вышел Капитан Ратц – всё в той же форме, но погоны тускло блестят в полумраке. Его улыбка была хищной, а манера речи звучала иначе, чем в больнице, она была надменной:

— Именно, босс. Я подменил данные в системе, а девчонка всё подписала. Никто копать не будет. За 50 тысяч – любое дело становится несчастным случаем.

Сара фыркнула, её глаза полыхнули огнем.

— 50 тысяч?! Да лучше бы ты её задавил!

Она ушла, хлопнув дверью в боковую комнату. Топот её каблуков затих. Ратц подошёл ближе, понизив голос:

— Дамиан, давай упростим. Две девушки – одна пуля. Сара плюс Мирэ. Я организую. Чисто и тихо.

Дамиан медленно покачал головой, постукивая пальцем по карте с рунами. В центре был нарисован символ врат.

— Нет. Сара ещё полезна. Она лучшая подруга Мирэ и знает все её привычки. А девчонка её надо убить, до её двадцатилетия.

Ратц кивнул, сливаясь с тенью.

— Понял. Какой у нас теперь план?

За окном уже темнело, когда Мирэ вышла из своей комнаты. Весь день она провела в мыслях, пытаясь найти ответы на все вопросы в своих воспоминаниях. Босая и в пижаме она вошла в гостиную. Комната дышала историей: потертый паркет с инкрустацией, тяжёлые бархатные шторы цвета спелой вишни, стены обклеены обоями под тёмное дерево с семейными портретами в золочёных рамах. Над электрическим камином – семейный портрет в полный рост. Массивный книжный шкаф из красного дерева ломился от книг, глобусов и старинных артефактов – компас с рунами, резной амулет. В углу старый граммофон с виниловыми пластинками. Центральное место занимает круглый стол с кружевной скатертью, сервированный фарфоровым сервизом. Воздух пахнет кофе, кожей старинных кресел и лёгкой пылью времени. Лампа с зелёным абажуром отбрасывает тёплый свет на кресло, где сидит Брэм, листая семейный альбом.

— Дедушка? — тихо позвала Мирэ.

Брэм вздрогнул, закрыл альбом.

— Мирэ! Не спится? Садись рядом.

Она опустилась на кресло, подтянув колени.

— Что смотришь?

Пауза. Брэм вздохнул:

— Вас вспоминаю. Тебя малышку. Их счастливые времена.

Мирэ сжала ладони. Она хотела рассказать дедушке всё, но передумала. Ей не хотелось пугать или расстраивать его.

— Деда Я знаю, что родители были археологами, но что они искали?

— Они любили свою работу они искали очень ценные артефакты. — он затаил дыхание. Ему было нужно время. — Может завтра днём навестим их? Подышим свежим воздухом. Согласна?

— Я только за, — её улыбка была грустна.

Брэм устало улыбнулся, погладил альбом.— Пойдём спать. Завтра нас ждёт новый день.

Глава 5. Полночь правды

Наступил день. Мирэ и Брэм отправились на кладбище. Путь был не близкий. Спустя два часа такси остановилось у кованых ворот кладбища, где густые кроны лип и дубов отбрасывают густую тень на гравийные дорожки. Летний воздух был тяжёлый от жары, смешанной с запахом нагретой земли, сосновой хвои и далекого ладана от часовни. Солнце палит немилосердно, вороны каркают с крестов, надгробья – от скромных плит до склепов с ангелами – мерцают в мареве, венки вянут под лучами.

Брэм с тростью шагал медленно, Мирэ держала его под локоть. Дорога вилась мимо могил знаменитых людей и «Вечного огня». Могила родителей выделялась среди других: высокий гранитный обелиск из чёрного полированного камня, основание – прямоугольная плита с выгравированными серебром именами: «Уильям и Катрина Блеквуд. Вечная память». По боковым граням – тонкие руны, переплетённые как корни древнего дерева. Над именами барельеф: стилизованные врата с магическим сиянием, поддерживаемые двумя фигурами – женщина с лирой и мужчина с компасом. Ваза по бокам с цветущими белыми лилиями, у подножия – мраморная плита с цитатой: «Искатели ушедших миров».

— Помнишь, папа катал тебя на плечах по аллеям летом? — Брэм улыбнулся сквозь грусть, касаясь барельефа. — Тебе пять, жара, ты кричишь: «Выше к облакам!», а он: «Мирэ – археолог мечтательница!»

Мирэ коснулась камня, тёплого от солнца.

— Мама плела венки из ромашек. «Для духов древних, – шептала. – Хранят наши тайны». Я верила, ждала новых сказок.

Брэм положил лилии на могилу.

— Артефакты привозили – камни, карты. «Для большой находки». Ты – их свет.

Они ещё долго стояли в тишине, слушая звуки природы и каждый думал о чём-то своём. Брэм оглянулся.

— Мирэ, подожди меня здесь. Мне нужно поговорить со знакомой.

Брэм ушёл к склепу, поросшему плющом. Там его уже ждала женщина. Камилла – художавшая шестидесяти летняя старушка в черном платке с бахромой. Выбившаяся прядь седых волос из-под платка сияла на солнце. Она сидела на скамейке держа на коленях маленький резной сундучок размером с книжку. Её черное платье едва касалось земли. Услышав шуршание гравия, она подняла глаза на верх. Её голубые пронзительные глаза горели от счастья встречи с близким другом.

— Брэм Время пришло. — она протянула ему сундучок из темного дерева. — Будь осторожен его ищут.

Брэм быстро спрятал его за пазухой.

— Рисквала

— Ради неё. Ступай. Надеюсь мы ещё свидимся.

Отмычка повернулась, замок щёлкнул. Сара и Ратц вошли в квартиру. Вступая во мрак прихожей, они включили фонарики на лбу.

— Я в гостиную, ты – в комнату старика. — скомандовал Ратц, толкая Сару плечом Сара закатила глаза.

— С чего ты раскомандовался, коп?! — прошипела она. — Ты мне не босс, придурок.

— Заткнись и ищи! Дамиан не простит провала!

Ей всё же пришлось последовать его плану. Скривив губы и что-то бурча себе поднос она ушла в комнату Брэма. Она осторожно вошла в спальню деда – личное убежище аристократа. Стены обиты тёмно-зелёным бархатом, книжные шкафы заставлены томами в кожаных пере-

плётах. У окна дубовый стол с бумагами. В ящиках стола: лупа, компас с рунами и какие-то амулеты. Она быстро обыскивала все ящики, выкидывала книги с полок, снимала картины со стен. И вот над кроватью за портретом Уильяма сейф. Дрожащей рукой она вращала отмычкой в замке сейфа, но тот оказался пуст. «Чёрт!» Перевернув всю комнату вверх дном, она вышла в гостиную.

— Сейф пуст! Ты что-нибудь нашёл?

В гостиной царил хаос. Ратц методично уничтожал всё: бархатные шторы сорваны с карнизов, фарфоровый сервиз вдребезги – осколки чашек хрустят под ботинками. Кружевная скатерть разорвана, круглый стол перевернут. Граммофон разобран – игла сломана, виниловые пластинки треснули. Картины семейных портретов и фотографии – на полу, холсты порваны. Книжный шкаф опустошён: тома валяются раскрытыми, глобус катится к двери. Зелёный абажур лампы разбит, свет от голой лампочки режет глаза. Перья от подушек летают в лучах фонарика, как снег. Ратц вынырнул из-под дивана:

— Ничего! Они пронюхали?!

Сара топнула, наступив на фарфор:

— Дамиан взбесится! Два часа – и пусто! Твоя вина, коп недоделанный!

Ратц вскочил, схватил её за ворот:

— Моя?! Ты портрет нашла первой, а сейф пустой! Может, спрятали у девчонки?!

Сара вырвалась, ударив его по руке:

— Не трогай меня!

— Тише! Дура.

На лестничной клетке послышались голоса. Брэм и Мирэ возвращались домой.

— Чёрт! Это они. Давай на кухню, там через балкон по пожарной лестнице.

Ключ в замке щёлкнул. Мирэ с Брэмом вошли в дом над чем-то смеясь. Войдя в гостиную Мирэ замерла от ужаса.

— Дедушка! Воры! Всё уничтожили!

Брэм вошёл, сжал трость. Взгляд пробежал по разгрому – сундучок жёг карман.

— Нет, внучка. Не воры. Ищут конкретное.

— Кто бы это ни был, нужно звонить в полицию.

— Завтра. Они всё равно ушли ни с чем.

— Кто они? — Мирэ сжала кулаки. — Сара? Дамиан?

— Откуда Ты знаешь Дамиана? — Брэм побледнел.

— Дамиан парень Сары — Мирэ вдохнула глубже. — Я не хотела тебя расстраивать. Но на переходе это была неслучайность. Они пытались убить меня. — её голос дрожал.

Брэм сел в кресло. Его лицо было мрачнее тучи. Часы пробили полночь. «Пора». Он достал сундучок и протянул его внучке.

— Я не мог рассказать тебе об этом раньше. Твои родители перед последней поездкой попросили меня спрятать этот сундучок до твоего двадцатилетия. В нём лежит письмо и свиток с подсказкой.

— Дедушка, что всё это значит?

— Прочти письмо родителей. В нём есть вся информация. Если у тебя останутся вопросы, то я на них отвечу, а пока я сделаю нам чай. И да Прости, что твой день рождения так испорчен.

Мирэ грустно улыбнулась и взяла сундучок дрожащими руками. Заглянув в него, она увидела письмо в конверте с восковой печатью и свиток с рунами, перевязанный черным кулоном в виде кристалла. Она сломала печать и развернула письмо:

« Мирэ, ты наше самое большое сокровище! Если ты читаешь это письмо, то мы не смогли рассказать тебе эту тайну сами и нас больше нет рядом с тобой.

Ты родилась не здесь. Ты из затерянной страны Эйридан – мира магии, древних существ и врат между реальностями. Когда тебе был год, врата закрылись за нами во время побега. Мы искали новые пути назад – годы поисков, карты, артефакты. Мы нашли подсказку. Этот свиток – карта к следующей подсказке, до которой мы не смогли добраться. В кулоне запечатана твоя сила, береги его.

Ты последняя надежда Эйридана на существование и процветание. Но есть те, кто хочет, чтобы врата были закрыты навсегда. Дамиан – тёмное существо. Он хочет править тем миром. Берегись его и тех, кто рядом с ним.

С днем рождения! С любовью, папа Уильям и мама Катрина.»

Мирэ замерла, пальцы сжали бумагу. Свиток чуть светился в полумраке. Кулон из сундучка задрожал на столе. Из кухни – звон посуды. Брэм вернулся с двумя кружками чая, лицо строгое.

— Прочла?

Мирэ кивнула, голос сел:

— Они знали. Дамиан охотится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.